

ГЛАСНЫЕ В ФОНЕТИКО-ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVII ВЕКА

В статье говорится о некоторых аспектах значения гласных в фонетико-орфографической системе тюркских языков, которые формировались в средние века. Отмечается, что в XVII веке при установлении норм азербайджанского литературного языка важную роль играли различные стили в художественной, научной и официально-эпистолярной сфере.

Ключевые слова: *гласные, фразеология, нормы, лексика, фонетика, орфография, текстоведение, литература.*

This article discusses some aspects of the value of the vowels in phonetic spelling system of the Turkic languages, which were formed in the Middle Ages. It is noted that in the XVII century in setting norms of the Azerbaijani literary language played an important role in a variety of styles.

Keywords: *vowels, phraseology, stern, vocabulary, phonetics, spelling, textualogy, literature.*

Как и во всех исторических эпохах, и в XVII веке при установлении норм азербайджанского литературного языка важную роль играли различные стили (художественный, научный и официально-эпистолярный). Потому, что эти нормы определяются и проявляются именно в этих стилях. А в итоге реализуется то, что в XVII веке как фонетической, так и лексической, а также в грамматической норме берется курс на национализацию.

Процессы дифференциации, стабилизации и народности, основы которых были положены с XVI века, как это было во все времена, начинают занимать ведущие позиции во всех нормах азербайджанского литературного языка, в том числе и в фонетической. «Наблюдения за средневековыми письменными памятниками показывают, что тюркские народы в XV–XVII столетиях больше всего из различных видов арабской каллиграфии, пользовались почерком насталиг» [6, стр.8]. Потому как почерк насталиг принимался как один из видов каллиграфии, адаптировавшийся к тюркской национальной почве и созданный именно на ее базе [2, s.17-18]. К тому же в этом виде почерка (при пользовании арабской графикой) учитывается персидская и тюркская языковая среда и арабские буквы приводятся в соответствие с фонетическими требованиями нового языка. К сожалению, из-за того, что наше классическое наследие, написанное на насталиге (другие в том числе), разными исследователями и текстоведами читается и преподносится научному миру и большому кругу читателей по разному. В итоге это приводит к вариативности лексических единиц по содержанию, а также к фоновариативности многих словарных единиц, обосновавшихся внутри контекста. С.Ализаде поддерживает мнение, что «составители, издающие классическую литературу, в том числе и наши историки

по литературе и языку, относятся к арабской графике интуитивно, и при транскрипции текстов, основываются больше на собственные выводы, нежели на единый научно-теоретический принцип» [6, с.9]. Несмотря на пользование арабскими графемами, в орфографической норме классическая система и фольклорная разговорная система постоянно чередуются, но со временем, преимущество постепенно начинает переходить на сторону последнего. Естественно, тем же преимуществом начинает обладать и фонетическая система. В целом, начиная с XVII века «фонетическое строение языка демократизируется, становится национально - тюркским» [8, с.280]. Исследуя классическое наследие - конечно же, если речь идет об азербайджанском литературном языке XVII века, - а также языковые материалы, представляющие эту эпоху, мы можем выявить фонетические принципы нашей исторической орфографии-правописания, а также нашего языка той эпохи. Но, реально и то, что нормирование в разных языках идет по разному. В доказательство и подтверждение наших слов, мы можем привести мысль Гухмана, который пишет, что орфографическая и морфологическая норма определяются раньше лексической и синтаксической. Конечно, трудно считать это правило универсальным. Например, в истории азербайджанского литературного языка, орфографическая норма установилась последней» [7, с.17]. И теперь как составная часть этого вопроса, мы должны выявить и представить своеобразную особенность фонетико-орфографической нормы литературного азербайджанского языка XVII века. Потому, что наряду с изучением фонетической системы, изучение основных характерных особенностей системы диктанта и как минимум параллельное их привлечение в круг исследования, в целом являются очень необходимыми для истории языка. Это относится не только к классическим произведениям XVII века, но и в целом на язык классической литературы. Для этого, мы должны прежде всего выявить своеобразность и характерные особенности графем, выражающих гласные и согласные в письме.

Как известно, в древней азербайджанской письменности, а конкретно в системе письма памятников Азербайджана XVII века использовались 33 графических знака. В старой азербайджанской письменности, основанной на арабской графике, 28 из используемых букв были арабскими, 4 персидскими и наконец 1 один из принадлежит тюркской графической системе. В отличие от других, последняя применялась только в тюркских словах, в тюркских текстах.

Нормирование не только фонетической системы XVII века, но и в целом, национального азербайджанского литературного языка происходит постепенно. Одна из главных причин связана с несоответствием между арабской графической и национальной фонетической системами. Это несоответствие способствует частичной разобщенности. Именно с фонетико-орфографической системы азербайджанского литературного языка XVII века, начинается курс на единение. Исключая «алиф» (ا) (отметим также, что с точки зрения используемого «алиф»ом звука в письме, у нее нет конкретности), остальные знаки письма (также следует отметить исключительность буквы «эйн» — ع) выступают как выразители согласных звуков. Однако, в написании согласных звуков XVII века встречаются и разные графемы синкретического характера, являющиеся выразителем согласных звуков, которые наряду с выполнением своих основных функций, выражают также и некоторые гласные звуки. Речь идет о выражении этими графемами как гласных, так и согласных звуков в письме. Это «вав» (و), «йа» (ي) и «хэ» (ه), то есть «хэйи-

хавваз». Об этих гласных звуках и выражающих их графемах, Бекир Чобанзадэ пишет: «звуки являются главнейшими из существующих в реальности, какими бы азбука, или алфавит не были звуковыми и фонетическими, они смогла установить только эти... Даже у тех народов, которые используют три-четыре арабских знака (و ي ة) и в тех языках, которые имеют самые звуковые, фонетические письмена, нет в равной степени и по числу соответствующих всем звукам знаков (букв)» [1, с. 38]. И названные нами арабские буквы привлекают внимание именно как выразители длинных гласных в словах арабского и персидского происхождения. Конечно, «для того, чтобы читать все три показанные буквы как гласные, нужен особый случай». Требование же этого случая таково: для выражения длинных гласных в письме, вышеуказанные буквы не должны принимать никакой «характера» и соответственно предыдущие буквы должны быть с фатха, кясра и дамма [10, с.34]. А в словах тюркского происхождения они выступают как выразители коротких гласных. Конечно же, главная причина этого связана с отсутствием в тюркских языках длинных гласных и частым выражением в письме графем, имеющих вспомогательную функцию как выразители гласных. Если обобщить нашу мысль, с точки зрения фонетического содержания графем, выражающих в письме гласные (или наоборот), мы можем увидеть следующую картину.

Конкретно, в системе письма азербайджанского литературного языка XVII века, отмечается следующее фонетическое содержание «алиф»а:

[a]	[a:]
ʾ (алиф)	[ə] [ə:]
	[e] [e:]

Включая алиф, мы будем наблюдать за форменными признаками этих графем, являющимися выразителями как коротких, так и длинных гласных в письме, а также за их разнообразием с точки зрения выражаемого ими гласного по соответствующему ряду, в том числе среди примеров.

Алиф (ʾ) в начале слова:

— В орфографической системе азербайджанского языка XVII века выразителем звука [a] является алиф с мадда (ʾ̣):

ای اجل لطف ایلیاییب آل آیدین یوزدن

■ Eü əcəl lütf ilayib canımm al aydın yüzdən [MD, с. 209]

— Как выражение звука [a] в начале слова в письме также встречается алиф без мадда (ʾ):

هجر ارا جان قصدی ایلار غم وصال ایچره فرح

■ Hicr ara can qəsdı ilar qəmi - vüsal içrə fərəh [MD, с. 206]

— Алиф в начале слова(ʾ) отмечается и как выразитель звука [ə]:

اگر مسجد مقام ایلار و کر بتخانه ایلار جا

■ Əgər məscidi məqam ilər və kər bütخانə ilər ca [MD, с. 213]

— Алиф встречается и как знак, выражающий в письме звук [ə] :

ای رقیب احباب ارا سالما نفاق

■ Eü rəqib, əhbab ara salma nıfaq («Диван» Месихи)

— Алиф-анлаут выступает как выразитель звука [и] часто в перенятых словах, и частично в словах тюркского происхождения:

مردمی و النقاتینک بار ایدی که که منکا

- Mərdumi və iltifatın bar idi gəh-gəh mənə («Диван» Месихи)
استاسن جانان وصالی ای کونکل جان توکین ات
  - İstəsən canan vüsali ey köñül, can tərkin et («Диван» Месихи)
Əlif (ا) söz ortasında:
- При среднем расположении в слове, алиф выступает как выразитель гласного [a] :
- بوستان ایچرا خط و رخسار و لعیندین جدا
- *Bostan içrə xəttü rüxsarü ləliñdin cüda* («Диван» Месихи)
- В средней части слова (ا) отмечается как выразитель гласного [a] :
- لعلونکی کورکچ بولوپور ئوق دین آغزی پرآب
- *Ləlünji görgəc bulupdur zövqidin ağzi pərab*
- Отмечается выражение алифом и звука [ə] посередине слова :
- ای خوش اولا کونلار که اغیار سیه رودین نهان
- *Ey xoş ola günlər ki, əğyar sıyäh rudin nəhan* («Диван» Месихи)
- Yaxud:
- استاسن جانان وصالی ای کونکل جان توکین ات
- *İstəsən canan vüsali ey köñül, can tərkin et* («Диван» Месихи)

Отметим, что алиф не выражает и какой-нибудь конкретный гласный в письме, он встречается больше как выразитель гласного [a]. Но, как видно, он берет на себя еще и функцию выражения гласного [ə]. И в самом деле, для определения "алиф"а как выразителя гласного [ə] (или же других гласных кроме [a]) важную роль играет корень слова. Разумеется, если корень слова состоит из слабых гласных, выражение «алиф»ом звука [a] частично отпадает. Представленный, на вышеуказанном примере классического языка, слабый гласный [ü], представленный в корне слова *کونلا* — *günlər* является не гласным "алиф"ом, а именно звук [ə]. В азербайджанском языке это подтверждает и твердость сингармонизма между коренью и словом (независимо от того, тюркского ли происхождения это слово или перенятое). Этот случай, в основном, связан с типом гласного в последнем слого. Если гласный в последнем слого жесткий, то и гласное в составе прикрепляемого ему окончания должно быть жестким. Наоборот, если гласный в последнем слого корневой морфемы слабый, то использование слабого гласного в составе прикрепляемого им суффикса, обязательно (естественно имеются и исключения).

Алиф в конце слова (ا) :

Алиф привлекает внимание как графема, выражающая гласный [a] в конце слова:

نی نوا ایلا کی بئیل کلمتاندین جدا

- *Ney nəva saz ilə ki, bülbüli-gülüstəndin cüda* («Диван» Месихи)

Алиф отмечается и как выразитель звука [ə] в конце слова:

یوزیکا کیمسه باقماس امیس حنچ وجه ایلا

- *Yüziqa kimsə baqmas imis hiç vəch ilə* («Диван» Месихи)

Как видно из представленного образца, в письменном варианте гошма *ilə* алиф написан в конце слова: *ایلا* — *ilə*. Но, слабость первого слога позволяет говорить, что она выступает не как выразитель гласного [a] в письме, а именно как выразитель звука [ə]: *ایلا* → *ila* → *ilə*

Следует отметить и то, что иногда встречаются как длинные, так и короткие варианты звуков (гласных), выражающих "алиф" в письме. В языкознании указывается на два вида удлинения гласных: Один из них, это первичное удлинение, которое в языкознании называется также этимологическим или фонематическим удлинением. А дру-

гое, это дальнейшее удлинение, определяющееся по позициям слова, также называемое комбинаторным удлинением. Если будем иметь в виду, что в тюркском языке нет случая первичного удлинения, и не будем брать во внимание некоторые исключения, то мы можем сказать только о комбинаторном удлинении. Но, как мы и отмечали прежде, исключения тоже учитываются. Одно из таких исключений, является существование на туркменском [4, с.186] и частично на якутском [5, с. 192] языках первичного удлинения. Даже в туркменском языке первичное удлинение гласного реализует новые семантические смысловые изменения : «ат — а:т (ад), от — о:т (од), бил — би:л (бел), öl — ö:l (yaş), qeŋ (gəŋmæk) — qe:ŋ (gələŋ), daş (kənaŋ) — da:ş (daş) и т.д.» [14, с.140]. Конечно, если не будем учитывать эти изменения, то определение первичного удлинения в перенятых словах, будет аксиомой, не нуждающейся в доказательстве. В этой связи, А.Дамирчизадэ пишет: «В азербайджанском языке нет, полностью утвержденных и имеющих качество фонемы, длинных и коротких гласных» [3, с.45]. Попытка некоторых ученых связать вопрос первичного удлинения в тюркских языках с алтайским периодом и даже восстановить его на уровне алтайских языков, носит спорный характер в тюркологии. А факты говорят об обратном: в тюркском языке нет гласных, демонстрирующих такое первичное удлинение. [13, с.9]. Существование этого удлинения в некоторых лексических единицах наших диалектов становится определенной. Например, о существовании случая удлинения в словах qa:dn, a:ŋ, go:miş, o:xuŋ (axuŋ)... в диалекте Губа говорит Р.Рустамов [12, с.15], а в словах qa:ŋ, sa:p, da:p... в диалекте Шэки М.Исламов [9, с.11]. Хотя некоторые исключения и встречаются нам в азербайджанском литературном языке XVII века, мы можем твердо сказать, что именно внутри перенятых слов длинные гласные действуют активно. Например:

ئاتان مردوملارنين قانينه قيلميش كوز قرا

- *Natəvan mərdumların qaninə qılmış köz qəra* («Диван» Мəsihi)

Однако, как видно из примера, наряду с перенятым словом (перенятая лексическая единица: ئاتان — [na:təvan]) в виде исключения мы наблюдаем здесь и первичное удлинение, исходящее из требований эруза и в слове тюркского происхождения: قانينه — [qa:ninə]

- *Min üzr ilə dedi ol yeganə,
Sizsiz mənə imdi atə - anə* (Məsihi « Vərqa və Gülşə»)
- *Gördün ola neylədi zəmanə
Yalqız mənə qoydu atə - anə* (Məsihi « Vərqa və Gülşə»)

А также в отличие от перенятых слов в образцах представленных из мэсэви Мəsihi «Варга и Гюльша» (يگانه — [yega:nə]) в словарных единицах тюркского происхождения (اته — اته ata → [a:tə]; ana → [a:nə]) именно по требованию вазна эруза с одной стороны можно отметить нарушения закона сингармонии, а с другой, удлинение гласного путем нарушения сингармонизма в национальных лексемах.

Из всего вышесказанного и представленных фактических языковых образцов становится ясным, что на самом деле алиф (ا) выступает не как выразитель одного конкретного гласного, но и как выразитель различных гласных звуков в разных позициях слова. Все это еще раз подтверждает, что "алиф", являющийся выразителем и твердых и слабых гласных, носит синкретический характер. Сказанное также подтверждает и то, что в письме гласное [a] больше всего выражается "алиф"ом. Но, из кон-

кретной нормы письма письменных памятников, выясняется и то, что одним из графических знаков выражающих это нелабиализованное, открытое гласное, является "хэйи-хавваз" (◦). Обратим внимание на примеры:

عجب یوق کر بهار و عیددین اجسامیه کونکنم

- Əsəb yuq gər bəhar və eyddin açılmaə(a) köñliüm («Диван» Месихи)

Отметим, что в этой строке бейта слово тюрского происхождения *açılmaq* не попало в рифму. То есть, оно не является одной из рифм. Мы это потому напоминаем, чтоб иногда дабы не нарушить рифму стиха, именно по требованию того же эруза наблюдается нарушение сингармонизма в словах тюрского происхождения, входящих в эруз и удобных для рифмы. Об этом, хоть и кратко, мы говорили выше. Но, здесь мы видим несколько иную картину. По нашему мнению, здесь и речи не может быть о нарушении закона сингармонии. Наоборот, использование твердых гласных в трех слогах этой лексической единицы национального происхождения, еще раз доказывает, что этот языковой образец должен читаться не как *açılmaə*, как *açılmaə*. Скажем и то, что последний вариант не нарушает требования чтения эруза в классическом тексте (или в текстах), то есть не противоречит общему духу поэтического текста. Значить, этот представленный факт (а также все факты этого типа) позволяет принимать "хэйи-хавваз" как выразитель гласного [a] в конце слова. В результате, мы приходим к выводу, что основные показатели звука [a] в орфографической системе азербайджанского литературного языка XVII века, суммируются таким образом:

[a]	—	ا (алиф с мадда)
[a]	—	ا (алиф)
[a]	—	◦ (хэйи-хавваз)

Хотя «алиф» (ا) и является одним из выразителей гласных [ə] и [e] в письме (выше дано достаточно фактических языковых примеров, связанных с этим), одним из графем, являющихся выразителем этих гласных звуков в написании художественно-литературных образцов XVII века, это "хэйи-хавваз". Так, гласные [ə] и [e] хоть и выражаются в письме в начале слова с «алиф»ом (ا) - иногда с инлаутом и анлаутом, в основном он выражается с "хэйи-хавваз" (◦). Обратим внимание на некоторые примеры, которые могут послужит опорой нашей мысли:

نه وصف ایله بیان منشی ادراک اته ذاتونکنی

- Nə vəsf ilə bəyan münşi idrak etə zatuñm («Диван» Месихи)

В системе азербайджанского литературного языка XVII века, встречается и выражение гласного [ə] с "хэйи-хавваз" с хамза (◦):

آواره — avarə دانه — danə («Диван» Месихи)

В целом выражение гласных [a] и [ə] с "хэйи-хавваз"ом встречается и в системе классических языковых образцов до XVII века. То есть, в графическое содержание "хэйи-хавваз"а входит как гласный [a], так и гласный [ə]: 1. Выражая гласный [a] — *السه* alma, *كون اورته* günorta, *يولده* yolda, *نوقونسه* doqunsa, *ميدانه* meydana и т.д. 2. выражая гласный [ə] — *گنه* genə, *کيمسه* kimsə, *بمه* yemə, *بيزه* biza, *کجه* gəcə, *اوزوگه* özünə» [6, с.13].

В фонетической и орфографической системе азербайджанского литературного языка XVII века графические выразители гласной фонемы [ə] мы можем обобщить следующим образом:

[ə]	—	ا (алиф)
[ə]	—	• ("хэй-хавваз")
[ə]	—	• ("хэй-хавваз" с хамза)

Выражение «алиф»ом звука [ə] отмечается не только в фонетической структуре литературного азербайджанского языка XVII века, но и некоторых других источниках тоже («Китаби Дэдэ Горгуд», "Шухеданамэ", "Тэзкиреи Шейх Сафи"...). По мнению С.Ализадэ, выступление «алиф»а в роли выразителя звука [ə] происходит под влиянием уйгурского способа написания:

« kimə	—	کیمە
söyləgil	—	سیلاگیل
gözədürəm	—	گوزادورم
çörləklər	—	چورکلار» [6,s.12]

По мнению исследователя письменных памятников средневековья Н.Нагысойлу, выражение гласного [ə] алифом на последней позиции слова, не является характерным случаем для правописания средневековых письменных памятников Азербайджана [11, с. 73]. Несмотря на все это, наличие этого факта, является реальным и для фонетико-орфографической нормы азербайджанского литературного языка XVII века.

В языковом материале XVII века встречается слабая, открытая, неабитализованная фонема гласного [e] в начале слова иногда встречается в виде тандема «алиф – йа» (ای). Использованный выше языковой образец как нельзя кстати подходит для подтверждения нашей мысли: ایتە — edə («Диван» Месихи).

Мы наблюдаем также выражение гласного [e] с "йа хамза" (ى) в фонетико-орфографической системе азербайджанского литературного языка XVII века. Образцы тоже служат опорой для нашей мысли: ههچ — heç («Диван» Месихи).

В правописании письменных памятников XVII века представлен и другой вариант этой лексической единицы, имеющий другую фонограмму. Весьма интересно, что когда пишется hiç олучается иная фонетическая форма: هیچ — hiç («Диван» Месихи).

Если сделать еще одно обобщение, то мы можем выявить, что графемы, выражающие гласный [e] в письме, это следующие:

[e]	—	ا (алиф)
[e]	—	• (хэйи-хавваз)
[e]	—	ای (тандем алиф-йа)
[e]	—	ى (йа)
[e]	—	ئ (йа хамза)

А гласные [ɪ] и [i] как и во всех эпохах, и фонетико-орфографической системе азербайджанского литературного языка XVII века, выражается с буквой «йа» (ى) носящий синкретический характер. По месту применения в средних и концевых позициях слов тюркского происхождения или в перенятых словах, используются соответствующие формы буквы «йа». Например, посередине слова:

بانماق و بیغلاماق اولمیشدور ایشیم هی زارزار

■ Yanmaq və uğlamaq olmuşdur işim (hey) zar - zar («Диван» Месихи)

Или же в конце слова:

قایمی باغونک گلشن حسنون کیمی گزارای بار

- Qaysı bağuş gülşəni-hüsünün kimi gülzarı bar («Диван» Месихи)

В словарных единицах тюркского происхождения или в перенятых использование гласных [ı] и [i] в начале слова сопровождается разнообразием. Так, если эти, стоящие в первой позиции слова, гласные выражаются только с "алиф"ом в перенятых словах (ا) [например: ادراك — *ıdrak* («Диван» Месихи); انشا — *ınşa* («Диван» Месихи)], то в лексических единицах тюркского происхождения это выражается с тандемом «алиф - йа» (ای):

نیس ایرورسین مراد افسانه ایرور وامق و عذرا

- Sin ırürsin muradı - əfsanə ırür vamaq və üzra («Диван» Месихи)
Digər bir dil faktına da diqqət yetirək:

قان یوتوب کیجه مسیحی غم المیش اینوم

- Qan yutub geə Məsihi, ğəm olmış ıdüm («Диван» Месихи)

В таких словарных единицах, тюркского происхождения как *imıs* — ایمیس *il* — ایل *ıçrə* — اچره *ilə* — ایله // ایلا и др. тандем «алиф - йа» отмечается как письменный выразитель гласных [ı] и [i] в начале слова.

Таким образом, в фонетико-орфографической структуре азербайджанского литературного языка гласные [ı] и [i] выступают со с следующими выразителями в письме:

[ı]	—	ای (тандем алиф-йа)
[ı]	—	ы (йа)
[i]	—	ای (тандем алиф-йа)
[i]	—	ы (йа)

А выразителем в правописании всех лабиализованных гласных(о, u, ö, ü) в системе письма азербайджанского литературного языка XVII века, как и во всех эпохах, является буква «вав» (و). Все лабиализованные гласные в средних и конечных положениях слова, выражаются с самостоятельной формой буквы«вав» (و), а в конечных с формой расположения на конце (و):

زهى حسنونک تجلی سیدین ایلکا سوزلار هرچا

- Zehi hüsnüñ təcəllisidin ilka sızlar hərca («Диван» Месихи)

А выразителем лабиализованных гласных в начале слова является тандем «алиф-вав» (او).

عرضین کورکاج مسیحی اول شفق تون ارا

- Arizin görgəc, Məsihi, ol şəfağ gün ton ara («Диван» Месихи)

Как видно, наряду с «алиф» ом (ا) графемы «вав» (و), «йа» (ی) и «хэйи-хавваз» (ه) выполняют не только свои основные, но также и вспомогательные функции в письме. То есть, вдобавок берут на себя еще и функцию выражать в письме гласные в соответствующей форме. Отметим и то, что графемы و ی ه выражали в фонетико-орфографической структуре нашего азербайджанского литературного языка XVII века и длинные и короткие, и жесткие и слабые гласные. А слабость и жесткость гласных, разумеется зависит от корня слова, и этот вопрос также связан с системой азбуки арабского языка.

ЛІТЕРАТУРА

1. Чобан-заде Б. (Çobanzadə B.) Türk-tatar lisaniyyatına mədxəl. (Latin qrafikasına çevirən N.Novruzova). - Bakı: ASPOLİQRAF, 2006. – 180 s.
2. Дарабади Г.А. Художественно-полиграфические особенности почерка «насталик». – Баку, 1969, с. 17-18
3. Дямірчи-заде А. (Dəmirçizadə Ə.) Müasir Azərbaycan dili. – Bakı: Maarif, 1984-312 s.
4. Дмитриев Н.К. Долгие гласные в туркменском языке / Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Фонетика. Ч.1. –М.: Изд-во АН СССР, 1955, с.182 – 191
5. Дмитриев Н.К. Долгие гласные в якутском языке / Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Фонетика. Ч.1. –М.: Изд-во АН СССР, 1955, с.192 – 197
6. Али-заде С. (Əlizadə S.) Orta əsrlərdə Azərbaycan yazı dili. – Bakı: ADU nəşri, 1985, 85 s.
7. Гаджиев Т.И. (Hacıyev T.İ.) Azərbaycan ədəbi dili tarixi. – Bakı: ADU nəşri. 1976.- 153 s.
8. Худиев Н. (Xudiyev N.) Azərbaycan ədəbi dili tarixi. – Bakı: Ankara, 1997.- 491 s.
9. Исламов М. (İslamov M.) Azərbaycan dilinin Nuxa dialekti. – Bakı: Azərb. SSR EA nəşri, 1968.- 274 s.
10. Маммадов А.С. (Məmmədov Ə.C.) Ərəb dili. – Bakı, 1958.
11. Нагисойлу М. (Nağısoylu M.) XVI əsr Azərbaycan tərcümə abidəsi « Şühədanamə ». Bakı: Nurlan, 2003.- 191 s.
12. Рустамов Р.А. (Rüstəmov R.Ə.) Quba dialekti. – Bakı: Azərb. SSR EA nəşri, 1961.- 281 s.
13. Голосовое строения тюркских языков (составитель Кипчак М.) Türk dillərinin səs quruluşu (Tərtibçi M.Qırçaqdır). – Bakı: Bakı Universiteti nəşriyyatı, 2005.-32 s.
14. Зейналов Ф. Основы тюркологии. (Zeynalov F. Türkologiyanın əsasları.) – Bakı: Maarif, 1981.- 345 s.